

МОРСКАЯ ТРИЛОГИЯ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА

Работа представлена кафедрой зарубежной литературы.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. А. Чамеев

Статья посвящена проблеме жанра так называемой морской трилогии «На край света» Уильяма Голдинга. В критической литературе романы трилогии «Ритуалы плавания», «На ближней дистанции» и «Огонь внизу» принято относить к традиционному для английской литературы жанру морского романа. В статье предпринят анализ трилогии с точки зрения ее соответствия основным критериям, определяющим классический морской роман.

The article touches upon the problem of genre defining of so called sea trilogy «To the Ends of the Earth» by William Golding. The novels «Rites of Passage», «At Close Quarters» and «Fire Down Below» are usually considered as novels written in the traditionally English genre of a sea novel. In the present article the trilogy is analyzed from the point of view of its correspondence to the requirements of a classic sea novel.

Морская трилогия Голдинга является примером поздней прозы писателя. Созданные в период с 1980 по 1989 г. романы «Ритуалы плавания», «На ближней дистанции» и «Огонь внизу» были объединены Голдингом под одной обложкой в 1991 г., получив общее название «На край света: морская трилогия». Морская тематика прослеживалась и в раннем творчестве Голдинга, однако доминирующей она стала лишь в романах морской трилогии. Местом действия всех трех произведений стал корабль, плывущий в открытом океане; главными же действующими лицами оказались представители разных социальных групп и профессий, собравшиеся в «дальневояжное плавание»¹. В меру насыщенные морской терминологией и описанием морской стихии, романы были сразу же отнесены критиками к жанру классического морского романа, а Голдинг поставлен в один ряд с такими признанными англоязычными маринистами, как Марриет, Купер, Мелвилл и Конрад. Можно ли утверждать, что морская трилогия Голдинга является собой типичный образец классического морского романа?

На протяжении всей жизни Голдинг увлекался парусным спортом. Нередко вместе с семьей он отправлялся в небольшие морские путешествия. Прослужив в королевском военно-морском флоте во время Второй мировой войны, Голдинг знал о морской стихии достаточно, чтобы полюбить ее или возненавидеть. Писатель испытывал к морю оба эти чувства. По его собственному признанию, «тот, кто хорошо знает море, ненавидит его. Оно действительно прекрасно, величественно, но и невероятно отталкивающе, ненавистно»². Для Голдинга море оказалось источником как счастливых, так и трагических мгновений жизни. Однажды яхта, на которой в тот день писатель был с женой и дочерью, перевернулась, и лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств никто из членов семьи не пострадал. Впоследствии Голдинг признавался: «Я понял, что теперь уже

никогда не смогу взять на себя ответственность за чью-либо жизнь, находясь на море»³.

Этот период жизни для писателя оказался трудным и в отношении творчества: с 1971 по 1979 г. Голдинг не создал ни одного произведения, свободное время посвящая ведению дневника. Трудности, с которыми писатель сталкивался в прежние годы («...долгое время я бывал убежден, что не напишу больше ни единого слова. *Буквально*. Я даже представить себе не мог, как *вообще* можно написать хоть одно слово»⁴), дали о себе знать в полной мере. По мнению некоторых критиков, автор «Наследников» зашел в тупик – пророк из Солсбери замолчал, и мало кто верил в то, что этому молчанию придет конец. Однако спустя 8 лет Голдинг вновь заявил о себе как об одном из самых значительных писателей современной Англии. В 1979 г. издательство «Фэйбер-энд-Фэйбер» выпустило «Зримую тьму», а год спустя «Ритуалы плавания». Долгие годы размышлений принесли положительный результат: две новые книги Голдинга ознаменовали начало очередного этапа творчества писателя. Совершенно непохожие на все предыдущие произведения, новые романы напрямую касались общественной проблематики: в центре повествования оказался уже не отдельный человек, с его сложным и противоречивым внутренним миром, а все общество в целом, его иерархия и законы. Взятая писателем восьмилетняя пауза предоставила возможность пристальнее всмотреться в современный социум. «В нашей стране, при всем ее величии, есть общество, с которым она ничего не может поделать, и это – перевести человека из одного социального класса в другой. Класс – язык Британии»⁵, – так однажды охарактеризовал Голдинг британское общество. Жесткая классовая разобщенность, непреодолимые социальные барьеры, слепота и глухота, демонстрируемые людьми по отношению друг к другу, вышли на первый план в «Зримой тьме» и «Ритуалах плавания».

Первый роман трилогии вводил читателя в стилизованную под начало XIX в. атмосферу Англии периода наполеоновских войн. Повествование велось от лица молодого аристократа. Подобно писателям-маринистам, Голдинг создавал главное действующее лицо романов трилогии – корабль – по образу и подобию современного общества. С первых же страниц автор погружал читателя в атмосферу корабельной жизни, вводя в повествование матросов и морских офицеров, давая описание судна и умело жонглируя морской терминологией. Таким образом, формально трилогия действительно подпадала под жанровое определение «морской». Не скрывалось ли, однако, под внешней оболочкой содержание, не согласующееся с жанром морского романа в его традиционном понимании?

В свете присущей Голдингу склонности к игре с текстами предшественников, к их ироническому переосмыслению, неудивительной представляется намеренная стилизация трилогии под жанр морского романа. В некоторой степени об игре с жанром Голдинг упоминает во вступлении к трилогии, окончательно же в этом нас убеждает детальный анализ входящих в нее произведений.

Рассмотрение данного вопроса уместно начать с сопоставления тематики морской трилогии с тематикой, традиционной для классического морского романа. Морской роман, в том его виде, в каком он сформировался в первой трети XIX столетия, повествовал об особом укладе жизни человека вне суши, а также об особенностях характеров людей, всецело посвятивших себя морской стихии. Центральной тематикой такого произведения являлось противопоставление двух стихий – земли и воды, а также противоречивый образ моряка. Такими были романы классиков жанра Купера, Марриета, Мелвилла, Конрада. Голдинг же в своем повествовании коренным образом смещает акценты. Цель писателя – раскрытие сущности человеческих взаимо-

отношений в обществе, предпринятое, однако, в пределах морского судна. Заметим, что подобное ограничение пространства (позволяющее максимально сблизить персонажей) – характерная особенность манеры писателя: местом действия его аллегорий являются остров, собор, гора, тюремная камера или, как в данном случае, борт корабля. Лишь однажды в рассуждениях одного из главных героев первого романа трилогии проскальзывает интерес к матросскому братству, как сообществу людей, связанных единым ремеслом, единым образом жизни и столь непохожих по складу характера на сухопутных обитателей: «...у этих славных, мужественных парней имеется своя сложившаяся... как бы это назвать? Не “цивилизация”, нет... Скорее может быть, некое сообщество, с той оговоркой, что они не полноправны, а находятся в подчинении у офицеров, и что между теми и другими есть еще и промежуточный класс так называемых унтер-офицеров, и что даже у самих матросов существуют, видимо, свои чины и ранги. Так кто же и что же они такое, эти люди, которые в одно и то же время столь свободны и столь зависимы? Они моряки»⁶. Интерес этот, однако, не получает своего дальнейшего развития, и последующее повествование целиком сосредоточивается на проблемах, связанных с непониманием людьми друг друга, непреодолимыми классовых препятствиях, а также вопросе греховной природы человека.

Для классического морского романа характерен также и определенный набор событий, которые непременно должны быть включены в повествование. К их числу относятся морские сражения, захват корабля неприятелем, столкновение с пиратами, сопротивление корабля шторму, кораблекрушение, спасение пассажиров и пр. В морской же трилогии Голдинга, в которой «прозвучал только один выстрел, и тот был произведен из мушкетона»⁷, нет «ни штормов, ни кораблекрушений, ни погружения в пучину, ни спасения на водах, ни вида и ни звука неприятеля, ни грохота

бортовых кораблей, ни геройства, ни трюфеев, ни доблестных оборон, ни дерзких атак!»⁸.

В классическом морском романе морской жаргон характеризует речь главных персонажей и является неотъемлемой составляющей стилистики произведения. В трилогии же Голдинга язык Фальконера если и используется, то всякий раз сопровождается ироническими комментариями главного героя. В романах Купера и Марриета матросский жаргон звучит в унисон с речью пассажиров судна, в трилогии же Голдинга «просмоленные» словечки матросни грубо диссонируют с речью большинства обитателей корабля. Во многом Голдинг нарушает традицию, и создавая главный образ романов трилогии – образ корабля. В классическом морском романе корабль наделяется именем, дается детальное описание его оснастки, и постепенно судно начинает восприниматься как живое существо, либо ассоциируемое со своим капитаном (как, например, у Купера), либо приобретающее свое собственное лицо (как в случае с «Кораблем-призраком» Марриета). В романах трилогии читатель сталкивается с обратной ситуацией. Корабль не только безмянен, но, более того, образ его с первых страниц осмеян и принижен нелепыми замечаниями пассажиров: «старая громадина»⁹, «старая карга»¹⁰, «корыто»¹¹ – так называют пассажиры судно, на котором плывут. В значительной степени Гол-

динг отходит от стилистики классического морского романа и при создании образа капитана корабля («жестокоего самодура», «царя или даже императора плавучего государства»¹²). Фигура капитана представлена в трилогии в ином, не типичном для классического морского романа свете. Доблестный моряк уступает место человеку неуверенному в себе настолько, что каждый раз, отдавая приказание, он вынужден прибегать к громоподобному голосу, а в управлении судном всецело полагаться на своих помощников. «Мне редко приходилось наблюдать лицо, выражавшее сразу и животный страх, и животную злобу. Капитан являет собой безупречное доказательство того, что человеком владеют настроения»¹³ – такова характеристика, данная «жестокому, злобному Андерсону»¹⁴ главным героем повествования Эдмундом Тэлботом.

В свете вышесказанного так называемая морская трилогия Голдинга предстает не вполне морской, принимая во внимание ее несоответствие основной проблематике, традиционной для классического морского романа стилистике, а также системе образов. В данном случае правомерно говорить лишь об умелой стилизации Голдингом социально-философского иносказания под морской роман, подразумевающей ироническое переосмысление канонов классического для английской литературы жанра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Голдинг У. Ритуалы плавания. М., 2005. С. 9.
- ² Carey J. William Golding. The Man and his Books. A tribute on his 75th Birthday. L., 1986. P. 10–11.
- ³ Haffendon J. Novelists in interview. L., 1985. P. 97–121.
- ⁴ Байлс Дж. Беседы Уильяма Голдинга // Иностранная литература. 1973. № 10. С. 221.
- ⁵ Голдинг У. Указ. соч. С. 133.
- ⁶ Там же. С. 240.
- ⁷ Там же. С. 317.
- ⁸ Там же. С. 317.
- ⁹ Там же. С. 19.
- ¹⁰ Там же. С. 39.
- ¹¹ Там же. С. 151.
- ¹² Там же. С. 155–157.
- ¹³ Там же. С. 35.
- ¹⁴ Там же. С. 202.